

Музыка — 1994. — 3 фек. — с. 8.

ДАЖЕ НЕ КОНТРТЕНОР — МУЖСКОЕ СОПРАНО!

В наше время в отношении контртеноров существует некая неопределенность общественного мнения. Филармонические залы всегда переживают ажиотаж в дни их выступлений, но и он в немалой степени вызван предубежденностью слушательского интереса к певцам, имеющим столь необычные голоса. Олег Рябец — обладатель редчайшего голоса, еще более высокого, чем контртенор, мужского сопрано, — недавно представил в Концертном зале имени Чайковского сольную программу «Забывтый голос барокко».

— Как вы начали заниматься вокалом?

— Маме надоели мои домашние концерты, и, когда мне исполнилось десять лет, она привела меня на прослушивание в Киевский хор мальчиков. Спустя три месяца я уже был солистом хора, хотя до этого момента никогда не учился пению. У меня не музыкальная семья, мои родители не имеют никакого отношения ни к одному виду искусства. Так что, видно, мой певческий талант дарован мне только Господом Богом, за что я ему безмерно благодарен. Потому что, когда я переживал мутационный период, в моей жизни была томящая и пугающая неопределенность. Конечно, в глубине души я надеялся, что мое будущее непременно будет связано с музыкой, но о таком прекрасном подарке я даже и мечтать не смел.

— Кого вы считаете своим первым педагогом?

— Профессора Киевской консерватории Клавдию Павловну Радченко. Она замечательный человек и великолепный профессионал. И у нее хватило мужества, несмотря на отчаянное сопротивление руководства вокального факультета, взять меня к себе в класс и заниматься со мной очень упор-

но и плодотворно, с большой верой в мои способности. Я проучился у нее два года и сейчас, когда бываю в Киеве, стараюсь обязательно с ней встретиться.

— Почему вы решили переехать в Москву?

— Потому что готовился поступать в Гнесинский институт в класс профессора Зары Александровны Долухановой, у которой консультировался на протяжении трех лет. Для меня она непревзойденный мастер камерного вокала. Но в Гнесинку меня не приняли по личному распоряжению декана вокального факультета Валентины Левко, сказавшей, что институту не нужны контртенора. Поэтому я сейчас учусь на музыкальном факультете Российской академии имени Маймонида. А здесь педагогов у меня даже слишком много. Но несмотря на преподавательское разнообразие, которое «испытываю» в академии, я насколько не жалею о своем переезде в Москву, хотя бы потому, что он подарил мне встречу с великим музыкантом Важей Николаевичем Чачавой, которую я считаю настоящим даром судьбы. Наши занятия не носят официального характера, но дают мне огромную пользу, и я чувствую, что они интересны и ему.

— Вы уже адаптировались к неоднозначному отношению окружающих к вашему голосу?

— Для меня это не проблема. Самое главное в моей жизни — музыка, в которую я безгранично верю. Свой голос я стремлюсь подчинить ее законам, а следовательно, гармонии. Так мне удается игнорировать преубеждения окружающих мира. Но справедливости ради должен заметить, что в мой адрес было крайне мало подобных выпадов.

— Вы считаете, наша публика уже готова к восприятию таких голосов?

— Думаю, она близка к этому. Прежде всего благодаря титаническим усилиям Эрика Курмангалиева. Однажды сыграла свою роль и подходящая до нас информация с Запада на эту ранее абсолютно запретную тему. Сегодня Европа переживает настоящий взрыв интереса к таким голосам и исполняемой ими музыке. Так что сейчас уже необходимо вести разговор не только о голосе как таковом, но и вокальных школах, и исполнительских возможностях певцов. В нашей стране на данный момент отсутствует школа для таких редких голосов, процесс формирования которых гораздо длительнее обычного.

— Период вашего вокального становления уже позади?

— Это сейчас со мной и происходит. Пока я еще занимаюсь формированием своего голоса и учусь владеть им и всеми премудростями вокальной техники. Хочу верить, что скрытых возможностей во мне еще много. Раньше я почти неосознанно выходил на сцену.

Сегодня же мои сценические действия в большей степени подчинены моему контролю. Я стремлюсь к объективной самооценке, пытаюсь постоянно смотреть на себя взглядом стороннего наблюдателя. Все более увлеченно занимаюсь наукой постижения музыки. Испытываемая при этом мною гамма чувств просто не пере-

дается словами. И дай Бог, чтобы манящее и томительное ощущение творчества не покидало меня всю жизнь.

— У вас есть свой эталон звучания?

— По натуре я очень придирчив. Исполнение должно меня пленять прежде всего как целостное музыкальное явление. Поэтому скорее можно гово-

рить о «собирательном» исполнительском эталоне для меня. Но не стану скрывать, что в нем особое место принадлежит непревзойденной Марии Каллас, хотя это и неоригинально.

— Каким вы видите свое амплуа?

— Будучи романтиком, я немного отстраненно воспринимаю реальную жизнь. В свои 27 лет я сохраняю по-детски непосредственное отношение к окружающему миру. Может быть, это связано с моим голосом, который в основном и определяет мое внутреннее мироощущение. Музыка, которую я исполняю, — это совсем другая реальность и другая истина, ирреальная для нашей жизни. Она создает атмосферу настоящей красоты и радости.

Сейчас я в большей степени работаю над камерным репертуаром, однако не хочу ограничиваться только им, так как для моего голоса создано очень много и ораториальной, и оперной музыки — если говорить об исполнении ее в оригинальных тесситурах. Год назад я уже имел первый театральный опыт — это была опера Глюка «Орфей» в постановке Саулюса Сондецкиса, я исполнил партию Амура.

— К чему вы стремитесь, исполняя старинную музыку в подлиннике?

— Как ни странно, к исполнению, лишенному аутентичности. В этом, мне кажется, и заключено то самое стремление к совершенству, которое заложено в музыку ее авторами. Создаваемые ими произведения рассчитывались не на один день, а на много веков вперед. Я хо-

чу научиться исполнять эту музыку на современном вокальном языке.

— Насколько разнообразны ваши планы?

— Я хотел бы записать отдельные арии из своей программы «Забывтый голос барокко». У меня уже есть некоторый опыт студийной работы: компакт-диск «Стабат Матер» Перголези, записанный в Москве российской фирмой «Лад» совместно с английской «Олимпией». Диск распространялся в сорока странах мира, но, видимо, из-за его очень малого тиража серьезного отклика музыкальной общественности, к сожалению, не получил.

Что касается «сценических» планов, то я собираюсь с концертами в Австрию и Чехию. Получил также приглашение от Владимира Кобекина исполнить партию князя Мышкина в его новой (она пока еще не закончена) опере по роману Достоевского «Идиот». Премьера оперы должна состояться в августе 95-го года на музыкальном фестивале, посвященном его творчеству, в немецком городе Эссене. Партия Мышкина пишется для мужского сопрано, специально на меня. И я очень волнуюсь, ибо связываю много надежд с первым в своей жизни фестивалем. По складу характера я совсем не «конкурсный» певец, а значит, это для меня единственная реальная возможность впервые раз заметно появиться на европейской музыкальной сцене и, может быть, даже заключить контракт с хорошим западным импресарио.

Беседу вела
Мария БАБАЛОВА.